

ГЕНДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ СИБИРСКИХ КАТОЛИКОВ

Т.Г. Недзельюк

Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
tatned@mail.ru

Статья посвящена характеристике гендерных стратегий и практик представителей конфессиональной общности католиков, сформировавшейся в Сибири в XIX–XX столетиях. Целью исследования является выявление специфики гендерных ролей в новом для представителей западного типа христианства региональном сообществе. Репрезентативной основой исследования послужили архивные материалы, извлеченные из Государственного архива Новосибирской области, Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Беларусь. Проанализированы также мемуары и воспоминания непосредственных акторов процесса, а именно: политических ссыльных, добровольных мигрантов, прихожан католической церкви в населённых пунктах Сибири. Гендерные стратегии и практики сибирских католиков никогда ранее не изучались, впервые послужили предметом комплексного исследования. Автором выделены общие закономерности, присущие стереотипному гендерному поведению представителей данной конфессии. Выявлено, что представления об идеальных образах мужчины и женщины в католической среде имели директивное оформление и были закреплены каноническим правом. Женский взгляд на мир сибирских католичек был шире традиционного. Экстраординарные климатические условия, новая культурная среда, иной социальный статус способствовали формированию нового типа социальных практик. Сделан акцент на региональные особенности распределения гендерных функций, возникших благодаря проживанию в Сибири.

Ключевые слова: гендерные представления, католики, Сибирь, гендерные стратегии, социальные практики.

Образ Бога и гендерные стереотипы. Гендерные роли в религиозном сознании закрепляются, как правило, на уровне догматики. Теологическая концепция, формируя образ мира, распределяет социальные функции и тем самым легитимирует набор социальных практик, предписанных мужчине и женщине. В повседневной жизни выбор социальных практик, как кажется на первый взгляд, происходит на подсознательном уровне, – индивидуум следует пра-

вилам предписанной ему социальной роли и тем самым делает выбор, формируя модель поведения. Экстраординарные события способны повлиять на гендерные представления. Изменяются ли от этого социальные практики?

Психолог и культуролог Э. Эриксон предположил, что религия связана с неким базовым доверием, и это чувство конструируется именно матерью [14, с. 10]. Образ матери в мировых религиях вне критики.

Контекст нашего исследования предусматривает обращение к одной из конфессиональных традиций в христианстве. «Разумеется, у католиков образ Бога чаще ассоциируется с Матерью, нежели у представителей других конфессий – коммуникативное поведение современных католиков вообще довольно часто отличается соотносительностью с женской социальной ролью» [14, с. 9–10].

Историк Н.Л. Пушкарева, анализируя работы Л.А. Киркпатрика, сделала вывод, что «Образ Бога – это образ идеального отца ... мужская социальная роль весомее, престижнее, директивнее» [14, с. 9–10]. Действительно, образ Творца – всегда мужской.

Цель нашего небольшого исследования – детерминировать зависимость выбора поведенческих стратегий от гендерных стереотипов. Массовой группой, позволяющей делать обобщающие выводы, мы принимаем конфессиональное сообщество сибирских католиков XIX–XX вв.

Сибирь не только в силу сложных климатических условий, но и не в меньшей мере как имагологический стереотип сыграла весомую роль в становлении особого типа социальных практик в традиции католицизма.

Обыкновенно, характеризуя проблему гендерных дефиниций, исследователи останавливаются на женской социальной роли. Мы считаем необходимым охарактеризовать и мужскую, и женскую гендерные картины мира.

Мужская роль в католическом социуме. Роль мужчины в любой христианской общине действительно более весома и директивна. Данное утверждение справедливо относительно стабильного существования конфессионального социума. Священно-

служителем в католической церкви, как сегодня, так и сто и тысячу лет назад, может стать только мужчина, синдиком и приходским старостой – тоже. Сибирские реалии таковы, что в отсутствие священнослужителя мужчины, главы семей, брали на себя заботу о поддержании веры и стабильном существовании религиозного социума. Анализ массива переписки католиков г. Ишима Тобольской губ. с Могилевской римско-католической духовной консисторией позволяет создать представление о фигуре синдика¹. Узнаем, что по ходатайству синдика, «доверенных жителей-католиков г. Ишима, мещан Альбина Пазерского и Анастасия Садовского» в Департамент духовных дел МВД было сделано распоряжение Тобольскому губернскому правлению о разрешении строительства в этом городе римско-католического молитвенного дома [17, ф. 826, оп. 1, д. 2151, л. 2]. Членами церковного совета избирались наиболее авторитетные и деятельные мужчины.

Назначение мирян на церковные должности: органиста, синдика, кандидатов происходило ежегодно на общем собрании прихожан и утверждалось рапортом руководителя деканата митрополиту, где сообщалось, что представляемые лица отличаются примерным поведением и усердием, под судом не состояли и не состоят [17, ф. 826, оп. 1, д. 125, л. 35, 40]. В обязанности синдика входило: организация общих церковных собраний и поддержание порядка во время их заседания, содержание церковных построек в надлежащем виде, контроль за расходом церковных денег. Именно синдики, члены церковных комитетов, как люди наиболее рачительные и

¹ Синдики – члены приходского совета; в официальной переписке с Тобольским губернским правлением синдики поименованы «доверенными лицами».

предприимчивые, выступили в 1911 г. инициаторами переписки с Департаментом духовных дел инославных исповеданий МВД «О разрешении хранения наличных церковных денег католических церквей, ввиду безопасности от грабежа, на текущем счету в частных кредитных учреждениях, отказываясь таким образом от услуг Государственного Банка», который принимал деньги «на самые незначительные проценты, а начиная с 1-го августа 1910 г., вследствие циркулярного распоряжения Государственного Банка от 21 июля 1910 г. за № 72, вовсе не дают процентов по безсрочным счетам» [17, ф. 826, оп. 128, л. 216, л. 19].

Теоретически избрание синдиков должно было происходить ежегодно, но, скорее всего, состав церковного совета формировался достаточно стихийно, по мере надобности. Примерами таких «случаев необходимости» были: созыв общего собрания для составления обращения в вышестоящие инстанции, возведение церковного здания, приглашение священника, контроль над расходом общинных денег, благоустройство кладбища. В 1915 г. появился новый человек, ходатайствовавший «от лица всех католиков Ишима» перед «Его Преосвященством митрополитом всех римско-католических церквей в Российской империи», – Иосиф Михайлович Мицкевич [17, ф. 826, оп. 128, л. 216, л. 7–8]. Стараниями обновленного состава синдиков Ишимского римско-католического костела: Петра Ивановича Буйневича, Бронислава Викторовича Дудзинского и Франца Антоновича Герчиса, проживавших в Ишиме Тобольской губернии, 11 сентября 1917 г. по всем правилам канцеляристского искусства было составлено «Постановление ... об открытии при нашем костеле самостоятельного Ишимского прихода». Постановление под-

писано всеми присутствовавшими на собрании взрослыми мужчинами-католиками и заверено костельной печатью. Приведенные выше аргументы позволяют сделать вывод о влиянии гендерных ролей, стереотипов и идентичностей, на материалах Ишимского приходского совета, на профессиональную картину мира католиков данного прихода.

Аргументированные и грамотно составленные тезисы «Постановления» подтверждают гражданскую состоятельность избранных членов церковного совета. Требования об учреждении в Ишиме самостоятельного церковного прихода подкреплены следующими аргументами. «1/. В г. Ишиме имеется каменный костел, освященный 29 июня 1917 г.; 2/. В г. Ишиме и в его уезде имеется около двух тысяч католиков; 3/. С ежегодным увеличением католического населения ведение метрических книг при Тобольском костеле сопряжено с большими затруднениями; 4/. При Ишимском костеле имеется готовая квартира для ксендза; 5/. При наличии вышеозначенного количества прихожан, материальный быт ксендза будет вполне обеспечен путем самообложения прихожан на содержание его» [17, ф. 826, оп. 128, л. 216, л. 21].

Инициатива приглашения понравившегося священнослужителя в качестве настоятеля также исходила от наиболее авторитетных мужчин – членов церковной общины. В том же Ишиме 15 сентября 1917 г. от имени синдиков Буйневича, Дудзинского и Герчиса митрополиту Могилевскому было направлено «Прошение... о назначении настоятеля Ишимского костела, вместо временно пребывающего в г. Ишиме ксендза-беженца г. Мечислава Домбровского, который, по его заявлению, после окончания войны намерен немедленно переехать в За-

падный край... бывшего vicария Омского костела, ныне состоящего настоятелем поселка Келлеровка, Петропавловского уезда Акмолинской обл. ксендза Иосифа Казакевича, который, по отзывам о нем Омского Декана ксендза Пржемоцкого, являясь человеком энергичным и преданным своему делу, наиболее соответствовал бы задачам пастыря-руководителя в нравственно-религиозной жизни членов молодого прихода» [17, ф. 826, оп. 128, д. 216, л. 20].

Помимо коллективных гендерных представлений в конфессиональном социуме, имели место индивидуальные, «героические». Сохранилось и дошло до нас свидетельство ишимцев: «Построив кое-как в гор. Ишиме костел каменный, хотя небольшой, но довольно изящный... трудами местного жителя католика старика Петра Ивановича Буневича, который сейчас находится в преклонных годах и которому, конечно, желательно дело довести до конца, которому осталось очень мало потребностей, и его, т. е. Буневича, мысль оставшееся имущество после смерти своей записать на костел на содержание ксендза, которого у нас в г. Ишиме нет и нет даже таких духовных лиц, которые помогли бы это дело привести в исполнение» [17, ф. 826, оп. 128, д. 216, л. 7]. В лице одного человека соединились честь возведения церковного здания, желание и далее участвовать в его архитектурном совершенствовании, заявление о намерении выступить жертвователем-меценатом.

Сложившаяся конфессиональная традиция очень хорошо себя продемонстрировала как в польскоязычных обществах, так и в немецких католических общинах переселенцев из Поволжья в села Алтайского края и Омского округа Акмолинской области. Прошения к митрополиту и Том-

скому губернатору инициативных синдиков Славгородского немецкого католического общества по своему содержанию и тону очень похожи на вышеописанную практику Ишимской общины [17, ф. 826, оп. 1, д. 2153, л. 23]. Инициативные мужчины, созвав общий сход односельчан, брали на себя ответственность за создание конфессиональной общины, строительство школьного здания, сбор денег на строительство церкви.

Иной авторитетной фигурой в католическом социуме, помимо священнослужителя и членов церковного совета, являлся органист. Для того чтобы получить церковное музыкальное образование (стать церковным органистом), мало было обладать музыкальным талантом: путь в такое учебное заведение был открыт только мужчинам. Обучение органистов в Российской империи происходило централизованно. Школа костельных органистов была учреждена в Минске в 1871 г., когда вслед за предпринятым МВД введением дополнительного богослужения на русском языке «встретилось затруднение в приискании органистов, которые могли бы петь молитвы на русском языке» [17, ф. 821, оп. 128, д. 749, л. 3]. Нами был выявлен персональный состав сибирских органистов: ни одного женского имени там нет [20].

Гендерные стратегии в католической семье. Представление о роли мужчины-католика в обществе было бы неполным без образа мужчины в семье. «Меня отец учил молитвам», – вспоминала в 1997 г. о своем детстве девятилетняя информантка, вывезенная из Поволжья в Сибирь в трёхлетнем возрасте [6, с. 21]. После заключения брака в немецких католических селениях Сибири «невесте полагалось жить с мужем у его родителей» [6, с. 22]. Характеристики мужской

и женской картин мира в католицизме, в том числе в сибирском католицизме, очень живо и наглядно отражены в фольклоре. Сибирский этнограф Ф.Ф. Болонев приводит отрывок песни, исполненный старушкой, в детстве вывезенной из Польши:

«Я католь, я католь,
А ты каталичка.
Я вилик, я вилик,
А ты нивиличка» [2, с. 143].

В четырех коротких строчках очень лаконично и вместе с тем предельно рельефно запечатлен мужской взгляд на мир: «Я велик». Положение «нивилички», живущей «как за каменной стеной», в семье отца, далее мужа, закреплено каноническим правом католической церкви [19, с. 728–734]. Тем не менее в картине мира женщины-католички прорисовывались черты не робкой домохозяйки, но женщины горделивой, знающей себе цену, что неоднократно становилось предметом рефлексии последователей иных конфессий. Образ женщины-католички, исторически сложившийся в русском общественном сознании, зафиксирован Ю. Визбором: «Католичка не простая, а загадочная сплошь...» [4].

Женская роль в католической общине. Особенностью католицизма, что неоднократно подчеркивалось и российскими, и зарубежными исследователями, является отождествление образа Бога не столько с мужской ролью Творца (как в иудаизме), Сына (как в православии), сколько с женской ролью Девы Марии [14, с. 11]. В католицизме сложились традиции почитания Девы Марии Ченстоховской, Острообрамской и т. д., культ Богородицы. К Деве Марии обращены многочисленные литании². Вы-

² Литания – в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний. Латинское слово *litanía* образовалось

держку из наиболее известной из них, Лоретанской, сложившейся в XV–XVI вв. и названной так по итальянскому городу Лорето, месту христианского паломничества, мы приводим ниже.

- «Святая Мария, молись о нас.
- Святая Богородица, молись о нас.
- Святая Дева над девами, молись о нас.
- Матерь Христова, молись о нас.
- Матерь Церкви, молись о нас.
- Матерь благодати Божьей, молись о нас...» [8].

Именно этими словами молились и поляки, и немцы, и литовцы, католики других национальностей и на других языках, обращаясь к Деве Марии. Эта молитва-литания была у каждого католика, прибывшего в Сибирь. Мистические элементы в обращении в Деве Марии: «Матерь благодати Божией, нетленная, пречистая, Дева всесильная, премудрая, Зерцало справедливости, Престол мудрости», – находили отклик в душах ссыльных, помогая перенести бытовые невзгоды. Литургические обращения: «Матерь Христова, Матерь Церкви, Хранилице Завета, Святыня Духа Святого» – дисциплинировали и поддерживали уверенность в стабильности повседневного существования, создавая духовный базис в жизни. Наконец, обращения «Источник нашей радости, болящим исцеление, грешникам

от греческого *lité*, означающего «молитва» или «просьба». Литании могут адресоваться Христу, Деве Марии или святым. Наиболее часто употребляются в богослужбной практике католической церкви. Литании поются или читаются в храме, как правило, в соединении с мессой или другими богослужениями. Во время богослужения священник читает первую часть каждого воззвания, а народ в храме хором повторяет прошение. Литании могут читаться также в рамках частной молитвы. Литания Пресвятой Деве Марии читается в мае – месяце, посвященном Богородице, в первые субботы каждого месяца и в дни богородичных праздников [8].

прибежище, скорбящим утешение, верным помощь» – отвечали персональным чаяниям молящегося.

Если в стереотипе поведения мужчины-католика заложено поклонение образу Богородицы, то в стереотипной женской модели поведения – подражание Её образу. Спокойствие, ровное отношение ко всем и ко всему, вместе с тем мужество и готовность к самопожертвованию. Образ женщины-католички в Сибири дошел к нам благодаря описаниям в мемуарной литературе. Винцент Мигурский в «Записках из Сибири» описывает служанку своей супруги, Магдалену Закшевскую. К числу положительных характеристик женщины мемуарист относит знание ею наизусть «множества молитв, величаний, колядок, псалмов, песен, к исполнению которых она с детства была привычна». Готовность Магдалены к самопожертвованию передана Мигурским с большой долей эмоциональности. На предложение разделить тайну о предстоящем побеге из Сибири «Магдуся ответила, не задумываясь:

– Хорошо, господа! Я для вас все готова сделать и уверена, что вы не потребуете от меня ничего такого, что не было бы угодно Богу.

– Верно говоришь, Магдуся, – отозвалась Альбина, – правильно, что нам доверяешь, душу твою Бог не осудит и не откажет тебе в своем благословении, если поклянешься и сохранишь тайну».

Мемуарист приводит и содержание клятвы. «Я, Магдалена Закшевская, клянусь перед Господом Богом Всемогущим, Пресвятой Девой и всеми святыми, что тайны, которая мне будет доверена, никому не открою, не предаю, не выдаю даже знаками; в противном случае пусть справедливый гнев Божий настигнет меня всюду, пусть душа

моя навеки осуждена будет и никогда не увидит сияния Господа. Помогите мне во имя невинных страданий Сына Твоего. Аминь!» [9, с. 166].

Гендерная позиция женщины в католицизме по своей сути отлична от мужской. Представление о роли женщины в обществе и в семье определено предписанной ею социальной ролью. Если для мужчины вопрос социальной реализации в глазах общества имел первостепенную важность (семья, как само собой разумеющееся; добрый семьянин – характеристика положительная, но не главная), то в картине мира женщины на первом месте находилась семья, а уж потом – позиция в социуме.

Общехристианские тенденции гендерных стратегий и практик. Православный дискурс о месте и роли женщины в православной церкви близок по смысловому наполнению к аналогичному католическому [1, с. 91–95]. На заседании Поместного собора православной церкви 24 июля 1918 г. был вынесен доклад «Об участии женщин в жизни Церкви». Докладчик, протоиерей Петр Миртов, сделал историческую справку о роли женщин в истории ранней церкви и отметил, что на раннем этапе церкви «женщины проявляли особую активность... Период, когда начались гонения на Церковь, вновь требует участия женщин... теперь вопрос об участии женщин в жизни Церкви является вопросом жизненным» [1, с. 103]. Предложения Отдела о церковной дисциплине были следующими.

«А. Признать за женщиною: 1). Право на участие во всех приходских собраниях и советах с репяющим голосом; 2). Такое же право участия в благотворительном и епархиальном собраниях; 3). Право участия во всех просветительных, благотворительных, миссионерских и церковно-

хозяйственных учреждениях, за исключением судебно-административных и епархиального совета.

Б. Находя особенно полезным привлечение женщин к непосредственному участию в заботах о чистоте и благолепии храма и в чинном отправлении богослужения в качестве чтеца и певца, Отдел находит возможным: 1) предоставить женщине право на занятие должности церковного старосты на одинаковых правах с мужчиной; 2) в особых исключительных случаях допускать женщин к исполнению должности псаломщика со всеми правами и обязанностями штатных псаломщиков, но без включения в клир». Большинство членов Собора доклад был принят с одобрением [1, с. 103–104]. Более того, из уст Липецкого протоиерея А.В. Суворова прозвучало замечание, что «женщины являются самыми сильнейшими ревнительницами о Церкви и благочестии», а потому при церквях должны быть учреждены сестричества «с целью следить за благочинием в церкви, и о предоставлении одной из членов сестричеств из вдов или девиц права входа в алтарь» [1, с. 104]. Подсчитав статистику голосов, отданных при голосовании по разным вопросам в жизни Православной церкви, исследователи отмечают: «Почти ни один доклад не был принят Собором так единодушно. Начавшиеся гонения на церковь усиливали необходимость широкого привлечения женщин к участию в церковной жизни» [1, с. 104]. Не все участники собора были единодушны: «На Соборе был высказан весь спектр отношений к женщинам: от признания их полного равноправия с мужчинами до признания за ними лишь права уборки храма» [1, с. 105]. В сентябре 1918 г. произошло вынужденное прекращение работы Поместного собора, и все предложе-

ния, аргументы и контраргументы остались только на бумаге [15].

Помня о том, что вплоть до Революции 1917 г. все религии, конфессии и деноминации в Российской империи ранжировались и развивались в социуме по единой магистральной схеме, разрабатывавшейся Святейшим Синодом и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД, а изменения, происходившие в организационном построении православной церкви в России, прямо или косвенно инсталлировались в организацию жизни других конфессий, то православный дискурс в случае логического завершения мог бы с большой долей вероятности оказать влияние на представление о роли женщины и в русской католической церкви. Русские интеллектуалки, вошедшие в московскую общину русских католиков³, вступившие в третий орден доминиканцев⁴, еще при царском правительстве, а позже при советском, тоже стали «сибирскими католичками», будучи сосланными в Тобольск, Томск, Нарым и Новониколаевск [11, с. 145–218].

Особенности проявления гендерных стереотипов в социальных практиках сибирских католиков. В католической традиции женщины активно участвовали в музыкальной жизни прихода: пели в церковных хорах, обучали музыке детей. Будущий профессиональный скрипач запечатлел образ матери, певшей в начале XX в. в новониколаевском костеле: «Я очень любил ходить в костел, музыка лилась свободно, легко,

³ Именовалась Абрикосовской общиной по фамилии настоятельницы, Анны Ивановны Абрикосовой, в монашестве Екатерины Спенской.

⁴ Третий орден в конгрегации Св. Доминика – доминиканцы-миряне, живущие в миру согласно принципам доминиканской духовности; в 1825 г. орден «терциариев» получил собственный устав. Подробнее об этом см. в [7, с. 1686].

откуда-то из души, я импровизировал, забывая обо всем на свете... Какие это были чудесные незабываемые минуты! В хоре пела моя мама, у нее был высокий сильный голос. Я, играя на скрипке, как бы сливался душою с ней и от этого испытывал такое счастье, какое невозможно описать» [16, с. 5].

Активная социальная позиция была уделом не только мужчин. В Российском государственном архиве сохранились документы о духовном завещании Екатерины Алексеевской в пользу Тобольской римско-католической церкви от 5 апреля 1893 г. [17, ф. 822, оп. 2, д. 19820] «О деньгах 25 руб., пожертвованных Октавиею Краснопольскою в пользу Омской римско-католической церкви» от 2 октября 1895 г. [17, ф. 822, оп. 2, д. 20109], «О разрешении продать дом, завещанный Янович, в пользу Ишимского костела» от 26 апреля – 3 июня 1917 г. [17, ф. 821, оп. 128, д. 1795].

Женские имена мы видим в перечне библиотечарей: Янина Григорьевна Хросицкая в Иркутске и Павлина Владиславовна Молоховская в Томске [12, с. 394–409]. Школьные учительницы в католических учебных заведениях Сибири: Дроздовская Антонина Флавиановна в Тобольске, Кошарская Люция Иосифовна, Стрельбицкая Мария Феликсовна, Томчик Теофилия Фаддеевна, Щепановская Жозефина, Яздовская Ванда Иосифовна – в Омске, Томашевская Камилла – в Томске, Короповская Зоя Сергеевна и Кудельская Мария – в Новониколаевске, Антонина Дакуль в латгальской деревне Тимофеевка Шпиццунской вол. Каинского уезда Томской губ. [3, с. 43; 5, ф. 859, оп. 1, д. 10, л. 51; 10, ф. 1781, оп. 26, д. 1502, л. 125; 13, с. 207; 18, с. 28–29].

Женский взгляд на мир сибирских католичек был шире традиционного, прису-

щего женщинам западных регионов империи, что было обусловлено необходимостью брать на себя ответственность не только за семью и детей, но и замещать мужчин в их отсутствие. Роли в религиозной общине, роли в семье определялись в числе других факторов гендерной принадлежностью. Представления об идеальных образах мужчины и женщины в католической среде имели директивное оформление и были закреплены каноническим правом. Их реальное воплощение в контексте сибирских условий претерпело значительные видоизменения, обусловленные зачастую экстраординарным характером сибирской действительности.

Литература

1. *Белякова Е.В., Белякова Н.А.* Дискуссии о правовом статусе женщин в православии в начале XX века // *Гендер и религия: сб. статей.* М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 90–111.
2. *Балонев Ф.Ф.* Белорусско-украинские элементы в духовной культуре семейских Забайкалья // *Белорусы в Сибири / отв. ред. В.А. Ламин.* – Новосибирск: СО РАН, Ин-т истории, 2000. – С.139–146.
3. *Весь Омск: справочник-указатель на 1913 г.* Омск: Изд. Акмол. обл. стат. ком., 1913. – Разд. паг.
4. *Визбор Ю.* Католическая церковь. – URL: <http://www.megalirics.ru/liric> (дата обращения: 17.07.2013)
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 859. Оп. 1. Д. 10.
6. *Дублякова О.А.* Встречи в сибирских селах. Половинное // *Сибирская католическая газета*, 1997. – № 7. – С. 21–23.
7. *Католическая энциклопедия.* Т. 1. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – 1906 с.
8. *Литания // Словари и энциклопедии на Академике.* Католическая энциклопедия. – URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/catholic> (дата обращения: 17.07.2013).

9. Мизурский В. Записки из Сибири / Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., перевод, вступл., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. – Иркутск: Артиздат, 2009. – С.59–275.
10. Национальный исторический архив Белоруссии. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 125.
11. Осипова И. «В язвах своих сокрою меня...». – М.: Серебряные нити, 1996. – 240 с.
12. Островский А.К. Польские библиотеки и печатные издания на польском языке в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). – Новосибирск: Сибстрин, 2011. – 460 с.
13. Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год. – Тобольск: Изд. губ. стат. ком., 1910. – Разд. паг.
14. Пушкарёва Н.А. Религия и гендер в новейших работах зарубежных ученых // Гендер и религия. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2009. – С. 7–15.
15. Пушкарёва Н.А. Русская женщина: история и современность: история изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии / Н.А. Пушкарёва. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.
16. Рыдзевский С. Воспоминания о старой католической церкви в Новосибирске наших старших прихожан // Сибирская католическая газета, 1998. – № 2. – С. 5–7.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1795; Ф. 822. Оп. 2. Д. 19820, 20109; Ф. 826. Оп. 1. Д. 125, 2151, 2153; Оп. 128. Д. 216, 749.
18. Семенова И. Благотворительное общество // Сибирская старина. Томск, 1997. – № 12. – С. 28–29.
19. Сикари А. О браке. – Милан–Москва: Христианская Россия, 1993. – 144 с.
20. Niedzieluk T.G. Rola muzyki w życiu religijnym katolików na Syberii w XIX – pocz. XX wieku // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2009. – № 13. – С. 41–49.

GENDER POLICIES AND PRACTICES OF SIBERIAN CATHOLICS

T.G. Nedzelyuk

Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and
Public Administration, , Novosibirsk

tatned@mail.ru

The article is devoted to the characteristic of gender policies and practices of the representatives of the religious community of Catholics emerged in Siberia in the XIX-XX centuries. The aim of the study is to identify the specifics of gender roles in the new regional community for representatives of Western Christianity. A representative basis for the research was the archive materials, extracted from the State archive of Novosibirsk region, Russian state historical archives, the National archives of the Republic of Belarus. The author also analyzed the memoirs and reminiscences of the direct actors of the process, namely: political exiles, voluntary migrants, members of the Catholic Church in the settlements of Siberia. Gender strategy and practice of Siberian Catholics have never been investigated, it has become the subject of a comprehensive study for the first time. The author identifies common patterns inherent in stereotypical gender behavior of the representatives of this confession. It was revealed that the idea of the perfect images of men and women in the Catholic environment were strictly determined and incorporated in the canonical law. Women's world view of Siberian Catholics was wider than the traditional

one. Extraordinary climatic conditions, a new cultural environment, and another social status contributed to the formation of a new type of social practices. The author focused on regional features of gender roles that emerged due to environmental conditions of Siberia.

Keywords: gender representation, Catholics, Siberia, gender strategies, social practices.

References

1. Belyakova E.V., Belyakova N.A. *Diskussii o pravovom statuse ženshbin v pravoslavii v nachale HH veka* [Discussions on the legal status of women in Orthodoxy in the early twentieth century]: in *Gender and Religion*. Moscow: IEA RAS Publ., 2009. P. 90-111.
2. Bolonev F.F. *Belorusko-ukrainskie jelementy v duhovnoj kul'ture semejskih Zabajkal'ja* [Byelorussian-Ukrainian elements in the spiritual culture of Semeysskikh in Zabaikalye] in *Belorusy v Sibiri* [Byelorussians in Siberia] Novosibirsk: SB RAS Publ., Inst. of history, 2000. – S. 146.
3. *Ves Omsk: spravocnik-ukazatel na 1913g.* [All Omsk: Handbook for 1913]. Omsk: Akmolinsk Stat. com., Publ. 1913
4. Vizbor Yu. Catholic Church. [Catholic Church]. URL: <http://www.megalirics.ru/liric/> (date of access: 17.07.2013).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti* [State archive of Novosibirsk region]. F. 859. Op. 1. D. 10.
6. Dubnyakova O.A. *Vstrechi v sibirskih selah. Polovinnoe* [Meeting in Siberian villages. Polovinnoe] / *Sibirskaja katolicheskaja gazeta* [Siberian Catholic Gazette], 1997. № 7. P. 21-23.
7. *Katolicheskaja jenciklopedija* [Catholic encyclopedia.] V1. Moscow: Franciscans Publ, 2002. – 1906 s.
8. *Litanija* [Litanies] in *Katolicheskaja jenciklopedija* [Catholic encyclopedia.]. – URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/catholic/> (date of access: 17.07.2013).
9. Migurskij V. *Zapiski iz Sibiri* [Notes from Siberia in *Memoirs of Siberia: a memoir, essays, diary entries Polish political exiled to Eastern Siberia for the first half of the XIX century*]. Irkutsk: Art. Publ., 2009. – P. 59-275.
10. National historical archives of Belarus. F. 1781. Op. 26. D. 1502. L. 125.
11. Osipova I. «*V jazyah svoih sokroj menja...*» [“In ulcers their hide me...”]. Moscow: Serebrjanye niti [Silver threads Publ.], 1996. – 240 p.
12. Ostrovsky L.K. *Pol'skie biblioteki i pechatnye izdaniya na pol'skom jazyke v Sibiri v konce XIX – nachale HH vv.* [Polish library and publications in Polish language in Siberia in the late XIX – early XX centuries in *Poles in Western Siberia (1890-ies – 1930-ies)*]. Novosibirsk: Sibstrin publ., 2011. – 460 p.
13. *Pamjatnaja knizka Tobolskoj gubernii na 1910.* [The memorial book of the Tobolsk province in 1910] Tobolsk: Stat. com.Publ., 1910.
14. Pushkareva N.L. *Religija i gender v novejsih rabotah zarubežnyh uchjonyh* [Religion and gender in the latest works by foreign scholars in *Gender and religion*]. Moscow: Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS Publ., 2009. P. 7-15.
15. Pushkareva N.L. *Russkaja ženshhina: istorija i sovremenost': istorija izučeniya «ženskoj temy» russkoj i zarubežnoj naukoj. 1800–2000: Materialy k bibliografii* [Russian woman: history and modernity: a history of the study “women’s topic” of Russian and foreign science. 1800-2000: Materials for the bibliography]. Moscow: Lodomir Publ, 2002. – 526 p.
16. Rydzewski S. *Vospominanija o staroj katolicheskoi cerkvi v Novosibirskoe nashih starshih pribožhan* [Memories about the old Catholic Church in Novosibirsk of our senior parishioners]. *Sibirskaja katolicheskaja gazeta* [Siberian Catholic Gazette], 1998. – № 2. – P. 5-7.
17. The Russian State Historical Archive. F. 821. Op. 128. D. 1795; F. 822. Op. 2. D. 19820, 20109; F. 826. Op. 1. D. 125, 2151, 2153; Op. 128. D. 216, 749.
18. Semenova I. *Blagotvoritel'noe obshhestvo* [Charitable society]. *Sibirskaja starina*. [Siberian old times]. Tomsk, 1997. № 12. P. 28-29.
19. Sicari A. *O brake* [On marriage]. Milan-Moscow: Christian Russia ЗГНДО, 1993. – 144 з.
20. Nedzeluk T.G. *Rola muzyki w życiu religijnym katolików na Syberii w XIX – pocz. XX wieku* [Role of music in the religious life of Catholics in Siberia in the XIX – early XX century]. *Acta Universitatis Wratislaviensis*. Wrocław, 2009. № 13. P. 41-49.